

ЯПОНСКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ДНЕВНИКИ

ОДИНОКАЯ ЛУНА В САРАСИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
О-42

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с японского
И. Мельниковой («Одинокая луна в Сарасина»),
В. Сановича («Дневник путешествия из Тоса в столицу»),
В. Марковой («Дневник летучей паутинки»)

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использована картина
Утагавы Хиросигэ «Осенняя луна на реке Тама».

О-42 Одинокая луна в Сарасина : [сборник : перевод
с японского]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. —
192 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-161521-5

«Дневник путешествия из Тоса в столицу» был первым произведением в жанре «никки». Автором выступил мужчина — поэт Ки-но Цураюки, — но от лица женщины. В «Дневнике» он описал тяготы путешествия и увиденное по пути.

«Одинокая луна в Сарасина», автор которой известна исключительно как дочь Сугавара-но Такасуэ, охватывает почти четыре десятилетия ее жизни: замужество и рождение детей, придворную службу и паломничество, кончину мужа и последовавшее одиночество.

«Дневник летучей паутинки» входит в число четырех важнейших произведений эпохи Хэйан и повествует о непростых отношениях между героиней и отцом ее ребенка.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Перевод, вступительная статья. *И. Мельникова, 2023*
© Перевод. *В. Санович, наследники, 2024*
© Перевод. *В. Маркова, наследники, 2024*
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ДОЧЬ СУГАВАРА-НО
ПАКАСУЭ

ОДИНОКАЯ ЛУНА
В САРАСИНА
(САРАСИНА НИККИ)

ЗАПУТАВШАЯ В СНОВИДЕНИЯХ

«С утра, лишь только рассветёт, и до поздней ночи, пока не одолеет дремота, я только и делала, что читала, придвинув поближе светильник. Очень скоро само собою вышло, что я знала прочитанное наизусть, и оно так и всплывало у меня перед глазами, что очень мне нравилось... Надо сказать, что в то время собою я была нехороша, но думала, что повзрослею и расцвету небывалой красотой, и у меня непременно будут длинные-длинные волосы...»

Это написала о себе одна японская дама без малого тысячу лет тому назад, а кажется — какой знакомый сюжет!

Дочь аристократа и сановника Сугавара-но Такасуэ вошла в историю просто как Дочь Такасуэ, собственное имя её неизвестно. В её коротком дневнике «Сарасина никки» уместилось почти сорок лет жизни — привязанности и ут-

раты, замужество и дети, придворная служба и паломничество в отдалённые храмы. Можно было бы сказать, что вся её жизнь проходит перед нами в этих мемуарах, но мы не знаем, когда умерла Дочь Такасуэ. Возможно, после окончания дневника (ей уже было за пятьдесят) она удалилась в тихую горную обитель и там окончила дни в молитве, уповая на милость будды Амиды, который на склоне лет явился ей в видении. А может быть, Дочь Такасуэ нашла утешение в своих любимых повестях и романах, только теперь уже как автор, а не как читательница. Ведь традиция приписывает Дочери Такасуэ четыре повести — две утеряны, а две дошли до нас, хоть и в неполном виде. Действительно ли Дочь Такасуэ написала их, остаётся предметом спора учёных.

Весьма вероятно, что молва сохранила память об этой даме как об авторе множества романов не без влияния её дневника. Дневник «Сарасина никки» рисует образ робкой и нелюбимой мечтательницы, которая «влюблялась в обманы», представляла себя героиней романа, нередко грезила наяву, а сны хранила в памяти не менее бережно, чем впечатления реальной жизни. К счастью, этот одинокий голос не угас в веках, не затерялся в хоре и по сей день звучит печально, искренне и чисто.

Япония XI в., в которой жила Дочь Такасуэ, была в некотором смысле уникальным местом на Земле. Здесь существовали уже и романы, и восторженные их читательницы, и традиция поверять душу дневнику. По большей части и читательницы, и писательницы были женщины. Такой редкий факт в истории мировой культуры не раз становился предметом анализа, поэтому здесь мы не будем останавливаться на нём подробно. Заметим лишь, что литература на родном, японском языке, существовала параллельно с литературой на китайском, которая и считалась долгое время истинно ценной, а посему достойной внимания мужчин. Если стихи на японском языке уже к началу X в. утвердили своё место в общественном сознании, то первое из известных нам произведений дневникового жанра на японском языке, хоть и было написано мужчиной, но от лица женщины. Это был «Дневник путешествия из Тоса в столицу» («Тоса никки», X в.) поэта и учёного Ки-но Цураюки. Созданная в IX в. японская слоговая азбука, позволявшая без знания китайских иероглифов писать на родном языке письма, записывать стихи, интересные истории, считалась «женскими письменами», но она-то и дала развитие блестящей поэзии и прозе.

Конечно, литература была привилегией немногих, и при ближайшем рассмотрении оказывается, что авторы дошедших до нас знаменитых романов и дневников нередко были связаны близкими родственными узами. Культура и цивилизация сосредоточены были в одном-единственном городе, он назывался Хэйан-кё (Столица Мира и Покоя), и потому целая эпоха японской истории (X–XII вв.) получила имя «хэйанской» или «эпохи Хэйан». Оправдав своё название, эпоха действительно была мирной, войны в стране не велись.

От столицы, некогда располагавшейся на месте нынешнего города Киото, мало что сохранилось до наших дней, но хэйанская культура оказалась столь плодотворной и адекватной национальному миропониманию, что в претворённом виде она усвоена была и поколениями, жившими в эпоху феодальных войн, уничтоживших город Хэйан, и теми самураями и горожанами, что населяли «закрытую» от внешнего мира Японию при сёгунах Токугава (XVII–XIX вв.), да и сегодняшние японцы осознают себя её наследниками.

Город Хэйан, насчитывавший в XI в. около ста тысяч жителей, был прежде всего столицей японских императоров, считавших себя потомками солнечной богини Аматаэрасу. От импера-

торского дворца, расположенного в северной части города и представлявшего собой комплекс обнесённых стеной деревянных одноэтажных строений, тянулся к югу широкий проспект, который вместе с параллельными более узкими улицами и перпендикулярными «линиями» (их было девять) организовывал пространство города строго регулярно и по плану — сказывалось влияние китайской градостроительной традиции.

Усадьбы самых знатных семей располагались в непосредственной близости от дворца. Представители этих семейств, как правило старинных родов, состояли на государственной службе, причём сложная иерархия рангов регламентировала общественный вес той или иной должности. За службу жаловали земли, драгоценности и ткани, а также новые чины.

Разумеется, издавна между крупными и могущественными родами шла борьба за близость к императору, но уже начиная с середины IX в. власть оказалась в руках семьи Фудзивара. Этот род поставлял императорам жён и наложниц и вершил государственную политику через систему регентства над малолетними правителями. Когда умер самый могущественный из рода Фудзивара, Фудзивара-но Митинага (966–1017), автор дневника «Сарасина никки» была ребён-

ком. Став взрослой, Дочь Такасуэ служила придворной дамой во дворце, принадлежавшем сыну Митинага, государственному канцлеру Фудзивара-но Ёримити, унаследовавшему от отца власть. Система централизованного управления страной одним влиятельным кланом просуществовала до середины XII в. Можно сказать, что описанные в дневнике события одной частной жизни проходили в то время, когда эта система, достигнув пика, незаметно повернула под уклон. В конце концов разрушили её те политические силы, которые уже при жизни Дочери Такасуэ заявили о себе в провинциях, столь хорошо ей знакомых. Но об этом мы ничего не узнаем из её дневника, женщины далеки были от политики, да и многие аристократы-мужчины тоже.

В XI в., когда был написан дневник «Сарасина никки», хэйанцы уже два столетия исповедовали эстетический принцип «моно-но аварэ» — «очарование всего сущего». С одной стороны, этот культ красоты обуславливал умение наслаждаться созерцанием гор и моря, луны и цветка, осенних листьев и первого снега. С другой стороны, он требовал от каждого чувствительного человека быть не только созерцателем, но и творцом прекрасного — поэтом, художником, музыкантом. Природа, любовь и искусство были главными ценностями хэйанцев.

Девушек из благородных семей, какой была Дочь Такасуэ, обучали расписывать веера, подбирать расцветки тканей для многослойных одежд, сочинять стихи, музицировать. Антологию японской поэзии «Кокинвакасю» («Собрание древних и новых японских песен»), составленную почти за сто лет до рождения Дочери Такасуэ, многие заучивали наизусть, и в «Сарасина никки» тоже много цитат из неё. А ещё женщины любили повести-«моноготари». Часто эти повести были в картинах: одна из дам разворачивала красочный свиток и вела рассказ, опираясь на иллюстрации и краткие пояснения, другие слушали. Но и повести в нашем понимании этого слова — волшебные, любовные, приключенческие — существовали во множестве, их переписывали и бережно хранили. Героями произведений, называемых «моноготари», становились и реальные лица, причём под собственными именами, в тексты повестей включали их стихи и фрагменты писем, так что разница между документальным жанром и литературой вымысла ещё не ощущалась твёрдо.

Большинство из тех произведений, которые читала Дочь Такасуэ и которые упомянуты в её дневнике, погибли в эпоху смут и войн, но похоже, что в юности Дочь Такасуэ отдавала предпочтение литературе вымысла, тем «моноготари»,

которые мы бы назвали повестями и романами. В конце жизни она обратилась к дневнику, и в этом не была исключением. Мурасаки Сикибу, создательница её любимого романа «Гэндзи моногатари», тоже оставила после себя дневник. В конце X в. написан был поразительный по глубине проникновения в женскую психологию «Дневник эфемерной жизни» («Кагэро никки»), в начале XI в. появились «Записки у изголовья» («Макура-но соси») придворной дамы Сэй-Сёнагон — всё это шедевры хэйанской литературы.

Кроме «Сарасина никки», до наших дней дошло шесть произведений хэйанской эпохи, в названиях которых содержится слово «никки» (подённые записи, дневник). Все они, кроме одного, о котором уже говорилось выше, написаны женщинами. Эти произведения значительно отличаются между собой и тематически, и по объёму, и по тому, какой протяженности отрезок времени запечатлен в записях. Не все произведения жанра «никки» соответствуют нашим представлениям о дневнике, однако, отдавая дань традиции, мы называем их дневниками.

Здесь следует сказать о том, как создавались обычно произведения мемуарного характера. Листая дневник «Сарасина никки», читатель сам заметит, что особенную и очень важную

роль в повседневной жизни хэйанцев играла поэзия. Без пятистиший-«танка» немыслимы были любовные и дружеские письма, в стихах выражали радость и скорбь, стихи были неотъемлемой частью придворного этикета. Отношение к поэтическому слову было очень бережным, его стремились сохранить для потомков. Существовали семейные и личные собрания стихов, в которых фиксировали обстоятельства появления того или иного пятистишия, поэтический отклик адресата, иногда оценки окружающих. Рождавшаяся как комментарий к стихам, проза обретала и самостоятельный интерес, оттачиваясь для выражения самых сложных и глубоких переживаний.

Совершенно очевидно, что у Дочери Такасуэ тоже хранились подобные записи, и часть дневника сложена из них как из готовых блоков. Особенно заметно это там, где Дочь Такасуэ приводит стихотворные послания, которыми обменивалась со знакомыми дамами. Но есть и фрагменты совершенно иного характера, они ближе к коротким новеллам: легенды о храме Такэсиба и совете богов на горе Фудзи, история необыкновенной кошки, в образе которой переродилась после смерти благородная госпожа. Весь этот разнородный материал сплавлен воедино не только личностью повествовательни-

цы, но и при помощи умелой литературной композиции.

Легко можно выделить шесть основных частей: путешествие в столицу, отроческое увлечение романами и первые потери, жизнь в родительском доме до замужества, служба во дворце, паломничество, смерть мужа и одинокая старость.

Далеко не все события датированы, причём чаще указан месяц и число, а год помечен лишь в единичных случаях. За редким исключением, повествование ведётся в хронологической последовательности. Мы бы сказали, что это скорее не дневник, а мемуары. И хотя они были написаны немолодой уже женщиной, чувствуется, что автору легко было, оглядываясь назад, вновь увидеть мир с детским радостным изумлением.

Можно не сомневаться в том, что дневник «Сарасина никки», написанный в 60-е годы XI в., создан в русле сложившейся литературной традиции. Вместе с тем, произведение уникально даже в ряду других женских мемуаров хэйанской эпохи, и обаяние его, как нам кажется, кроется в личности автора.

Об авторе «Сарасина никки», Дочери Такасуэ, мы знаем лишь то, что она сама написала о себе в дневнике. Если о её родственниках-мужчинах можно почерпнуть некоторые сведе-

ния из официальных придворных реестров, то о ней самой нет ни единого упоминания даже в документах того периода, когда она служила придворной дамой.

Мы не знаем, кому адресован был дневник «Сарасина никки», но о том, что читатель у неё будет, Дочь Такасуэ знала, это подтверждает, например, следующее пояснение:

«События, отстоящие друг от друга на два-три года, а то и разделённые четырьмя, пятью годами я описываю одно за одним, подряд, и получается, что я без конца ходила на богомолье — это не так, и в моих странствиях случались перерывы».

Вероятно, предполагаемый читатель что-то о жизни автора знал и без пояснений, но сегодня они необходимы. Японскими комментаторами текста давно уже составлена хронология жизни Дочери Такасуэ. Воспользовавшись ею, попробуем дать краткий биографический очерк, а также познакомить читателя с некоторыми персонажами, упомянутыми в дневнике.

Сословная принадлежность, и более того, принадлежность к определённому роду в хэй-анском обществе во многом предreshали судьбу человека. Отец автора «Сарасина никки», Сугавара-но Такасуэ (973—?), был прямым потомком в пятом колене знаменитого учёного, кал-